

Дмитрий Полетаев

**В ПОИСКАХ
ПРИКЛЮЧЕНИИ**

· ФОРТ РОСС ·

Читайте книгу —
смотрите фильм!

Дмитрий Эрнстович Полетаев
Форт Росс. В поисках приключений
Серия «Герои Четвертого измерения», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949917
Форт Росс. В поисках приключений : [роман] / Дмитрий Полетаев: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085774-6

Аннотация

Раскрыта одна из главных интриг российской истории!

Как вышло, что в XIX веке Россия навсегда лишилась своих земель в Северной Америке? Ведь ей принадлежала огромная территория от Аляски до Северной Калифорнии!

В поисках ответа группа тележурналистов – интеллектуал Дмитрий, простодушный Фимка и красавица Марго – путешествует во времени и пространстве, попадая то в царские дворцы, то в вигвамы индейцев. Их открытие ошеломит вас и заставит совершенно по-новому взглянуть на известные исторические события. Герои находят разгадку в фактах, которые до сих пор тщательно утаивались. Но готовы ли вы принять правду?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	22
Глава седьмая	24
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	33
Глава двенадцатая	35
Часть вторая	36
Глава первая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Полетаев

Форт Росс. В поисках приключений

© Полетаев Д.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Пролог

*...На входящего в одни и те же реки притекают в один раз одни,
в другой раз другие воды.*

Гераклит Эфесский, IV д.н. э.

*Лета 1794-го. Санкт-Петербург. Зимний дворец, апартаменты
Екатерины II*

Екатерине Алексеевне с утра не здоровилось. Не то чтобы простуда или инфлюэнция какая, а так, тошно было как-то. «Наверное, подобное состояние лондонские людишки хандрой зовут», – печально думала императрица. «Английская версия» внутреннего душевного разлада вконец испортила настроение. «Черт бы их взял, проклятых! Еще не хватало, чтоб по их милости удар хватил! Рвотного, что-ли, принять...»

Царица отодвинула блюдо с тушеной телятиной почти нетронутым. Из фарфоровой соусницы с золоченым ободком зачерпнула квашеной капусты с клюковкой, отрезала малосольный огурчик. Не помогло. Глоток хереса хоть и разлил приятное тепло по телу, но от мыслей разве скроешься!

Наконец императрица подняла глаза. Обедавший сегодня с ней граф Безбородко, действительный тайный советник, личный секретарь императрицы и один из могущественнейших людей России, старался быть как можно менее заметным, что при его комплекции, надо сказать, ему не очень-то удавалось. Потупившись в тарелку, граф скромно уплетал устрицы, запивая белым вином. «Странно! – усмехнулась про себя императрица, – я вот нерусская, а простую русскую похлебку любым парижским разносолам предпочту, а этот – смотри-ка, как ракушки лопают, будто не в глухомани какой родился, а в самих Европах!»

– Саша, – позвала императрица, – ты где, милый, родился? А то запомнила я...

– В городе Глухове, матушка, Сумской губернии – с готовностью отозвался вице-канцлер, ворочавший ныне, после смерти главного сподвижника Екатерины графа Никиты Панина, еще и делами Коллегии иностранных дел становившейся все более необъятной Российской империи.

– Вот я и говорю, Глухов... – рассеянно отозвалась Екатерина. – Ты вот что, милый, ноту англичанам сам составь, у тебя это лучше получится, а то нездоровится мне что-то нынче. Пойду-ка я прилягу...

Александр Андреевич, заерзал на стуле, приподнимаясь в поклоне и поспешно вытирая салфеткой лоснящиеся губы.

– Матушка, так ведь это... – неуверенно начал Безбородко.

– Ну, что еще? – подавляя раздражение, нахмурилась Екатерина.

– Так ведь Державин просил...

– Ах да, про секретаря своего, Резанова! Мне еще Платоша про него что-то сказывал. Напомни, друг мой, в чем там дело-то, вкратце только...

– А дело в том, матушка, что Резанов этот, Николай Петрович, секретарь канцелярии вашего величества, коей управляет упомянутый вами Гаврила Романович Державин...

– Я сама знаю, что Державин моей канцелярией ведает, ты давай дело говори, не умничай! – раздраженно прервала императрица.

– Так вот я и говорю, – невозмутимо продолжал Безбородко, – что Резанов, Николай Петрович, прожект имеет вашему величеству представить. Относительно земель наших американских.

– наших! – фыркнула Екатерина. – Слыхали бы тебя сейчас твои друзья англичане!

– Друзья они не мои, а его сиятельства графа Панина, царство ему небесное, и ваше величество об этом хорошо осведомлено, – парировал Безбородко, – а вот что касается меня, то я бы любой прожект, заботящийся о наших землях в Америках, поддержал хотя бы для того только, чтобы спесь с Лондона сбить. А то, прости господи, по нужде в мире нонча не сходишь, на лондонцев не напоровшись, как на крапиву!

– Ты, Александр Андреич, про нужду-то оставь, пока из-за стола не вышли! А что касается англичан, то с ними ссорится нам сейчас не резон! И тут чертов Панин был прав. Хотя... как известно, посланник британский ему в свое время карету подарил, да всю в золоте... За какие такие заслуги, хотелось бы знать! Да уже видно не узнаем, царство ему небесное!

Императрица аккуратно перекрестилась.

– Заслуг у него перед Европой как бывшего главы кабинета иностранных дел вашего величества более чем достаточно. Не перечить! Вот только где заслуги перед Россией? Где радение об интересах наших? То Пруссия, то Англицкое королевство! Ей-богу, ваше величество, золотую карету за просто так не презентуют!

– Во-первых, сейчас кабинетом иностранных дел ты ведаешь, – холодно возразила Екатерина. – Во-вторых, не одного его иностранные послы одаривают, возьми хоть вон князя Голицына, да и граф Воронцов в кресле посланника не бедствует. И мы так же поступаем с теми, от кого для нас польза заняться может. Ну, а в-третьих, настроение твое мне не нравится. Повторяю, не стала бы я сейчас на рожон с британцами лезть!

Императрица медленно поднялась. Грузной походкой прошла к окну. Вечерело. Свинцовая туча нависла над Санкт-Петербургом, обещая еще подвалить снегу. У дворца шла смена караула. Екатерина засмотрелась на статных гвардейцев. Вздохнула. Как ни странно, эмоциональный всплеск пошел на пользу. Царице стало лучше. Безбородко, прекрасно зная нрав хозяйки, молчал.

– Ну ладно, так что там Резанов?

– Может, вашему величеству будет угодно его самого выслушать? – вкрадчиво спросил Безбородко.

– Так он что, здесь, что ли?

– В приемной вашего величества изволит дожидаться, – смиренно произнес министр.

– Так проси! Чего ж ты человека ждаться заставляешь!

Несмотря на абсолютную власть, коей наделила ее судьба, Екатерина никогда ею не кичилась. Со времен своей юности, когда она, бедная принцесса ничтожного германского княжества, предстала перед внучкой Петра Великого, тогдашней российской императрицей Елизаветой, с одной ночной сорочкой в качестве приданого, – с тех самых пор поклялась Екатерина, что никогда не оскорбит благосклонное к ней Провидение ни каплей спеси. Не терпела ее и в других. Пожалуй, это единственное, что раздражало ее в России, которую она, в общем, полюбила всей душой. Спесь здесь была, наверно, одной из главных черт национального характера. «Взять того же Безбородко, – думала императрица, – давно ли в холопах ходил у Румянцева, а сейчас гляди-ка как перья распушил! Да этот-то еще ладно – талантище, самородок! А другие – чуть из грязи рыло подымут, чуть копейка в портах заведется, так сразу раздуются, точно индюки, и глазки от бывшего сотоварища воротят. Не замечают уже человечешку – не ровня! Тьфу ты, пакость!»

Отворившиеся двери залы прервали размышления императрицы. Перед Екатериной склонился в галантном поклоне молодой человек лет двадцати восьми. Тонкие черты лица, прямой европейский нос. Из-под длинных ресниц на царицу глядели умные голубые глаза. Глядели без подобострастия, а лишь с должным почтением. Безукоризненно пошитый голубой с серебром камзол, белый галстук; в меру припудренный парик с черной бархатной лентой тонко гармонировал с внешностью вошедшего. Екатерина невольно залюбовалась. «Эх,

кабы годков так десять назад, – быстро окинув взором статную фигуру молодого человека, со знанием дела плотоядно подумала царица. – Как все-таки коротка и быстротечна жизнь!»

Наконец Екатерина отвела глаза от стройных, обтянутых в лосины ног Резанова и встретила взгляд молодого человека. Пухлая рука в бриллиантовых перстнях подала знак приблизиться. Резанов сделал еще несколько шагов и вновь остановился в почтительном поклоне, адресованном в первую очередь императрице, но каким-то немыслимым манером захватывающим также и Безбородко. Граф, склонившись к плечу царицы, уважительно произнес:

– Николай Петрович Резанов, секретарь канцелярии вашего величества!

– Да-да, как же, наслышана. Гаврила Романович вас хвалит, да и Платон Александрович много говорил о вас лестного.

– Премного благодарен, ваше величество! Изю всех сил стараюсь быть полезен, по мере скромных способностей моих, Отечеству нашему!

– Ну-ну, не скромничайте. Знаем, что отличаетесь вы воспитанием благородным и изрядным образованием. Напомните, откуда к нам направлены были?

– Из канцелярии вице-президента Адмиралтейств-коллегии, графа Чернышова, переведен был в имперскую канцелярию вашего величества на должность секретаря. А до этого имел честь служить в лейб-гвардии Измайловском полку.

Резанов многозначительно, почти дерзко посмотрел прямо в глаз императрице. Но Екатерина, казалось, была слишком погружена в свои мысли или делала вид...

– Так-так, ну, так в чем же дело ваше?

– По правде сказать, дело это вовсе не мое, а небезызвестного вам сибирского купца Григория Ивановича Шелихова...

– Что, опять про присоединение к империи вновь открытых земель в Америке? – нахмурилась Екатерина.

– Никак нет, ваше величество. На этот раз гораздо хитрее. Господин Шелихов испрашивает вашего дозволения учредить коммерческое предприятие и наделить его правом открывать и возделывать, на пользу всея империи, разумеется, незанятые испанцами и англичанами американские земли, по примеру Ост-Индской компании. Таким образом вновь открытые земли будут внешне принадлежать не Российской империи, а частной российской коммерческой промысловой компании. И в Европе не будет повода смотреть на нас косо.

– Хм, – продолжала хмуриться Екатерина, – и что же хочет взамен этот ваш Колумб российский?

Вполоборота она повернулась к Безбородко, как бы вовлекая и его в беседу.

– Монополию, ваше величество.

В зале воцарилась тишина. Императрица встала и вновь прошла к окну – неторопливо, выдерживая паузу. Наконец, обернувшись к Резанову и Безбородко, произнесла ледяным тоном:

– А понимает ли купец ваш, что просит?

Одной из первых экономических акций молодой императрицы, которая благодаря дворцовому перевороту только что вступила на престол, была отмена монопольного права торговли на соль, принадлежавшая тогда Шувалову. Ох и нелегко далась ей тогда эта победа. Но выгоды она принесла ощутимые, и сразу же. Цены на соль снизились, народное недовольство поутихло, и юная вседержительница Российская, получив первую одобрительную оценку в народе, стала, наконец, хоть относительно спокойно спать. С тех пор слово «монополия» при дворе было запрещено.

Безбородко историю эту хорошо знал; разумеется, знал ее и Резанов.

– Это еще не все, ваше величество, – тихо, но твердо сказал Резанов. – Господин Шелихов также нижайше просит вас оказать ему высочайшее благоволение и содействие в получении ссуды на постройку флота для освоения оных земель на благо государства Российского.

– Государства Российского! – взорвалась наконец Екатерина. – Кабы он о пользе государства Рассейского заботился, тогда о монополии не осмелился бы просить! А то ить, вона как образовался! Монополии им подавай! А потом, кто за этой монополией уследит! Тыщи верст – отсель не увидать!

В молодости Екатерина беспокоилась, что русские не признают ее, иноземку, поэтому старалась вставить в речь побольше простонародных слов и оборотов, как бы подчеркивая, что знает русский язык не хуже других. Со временем это вошло у нее в привычку.

– Не изволь сердчать, матушка, дозвожь и мне слово молвить, – подыгрывая ее «сермяге», зашевелился все это время молчавший Безбородко. – На сегодня у отдаленных американских берегов наших промыслюют около семи дюжин торговых ватаг. Причем именно что ватаг, ваше величество! Купцы набирают артели из казаков, так как боле работников взять неоткуда. А казаки, чем зверя пушного бить, друг друга дубасят – так им как-то сподручней и прибыльней. Легче же готовое у сотоварища отнять, чем самим, в байдарах с туземцами, «достоинство» свое в Ледовитом окияне морозить! Передача добычи пушной рухляди в руки одной компании значительно упростила бы дело, да и следить за одной компанией легче...

– Да как ты уследишь-то? – не сдавалась Екатерина.

– Путем выпуска акций, ваше величество, – тихо, но опять же отчетливо произнес Резанов.

За долгие годы правления императрица свыклась со своей репутацией «просвещенной монархини», гордилась перепиской с Вольтером и дружбой с Дидро. Поэтому она не очень любила, когда ее ловили на чем-то, чего она не знала. Нет, словечко это – «акция» – она, конечно, слышала и даже могла употребить к месту, но вот уяснить принцип действия как-то все не доходили руки.

Екатерина повернулась к Резанову:

– Благодарю вас за похвальное рвение и радение об интересах Отечества. Я довольна вами. Передайте Гавриле Романовичу Державину, что я также довольна его умением приобщать к государственной службе молодых и талантливых людей. – Произнося эту фразу, Екатерина не удержалась и еще раз окинула взглядом статную фигуру Резанова. – Ваши старания будут отмечены!

Екатерина слегка наклонила голову. Аудиенция была закончена. Резанов низко поклонился императрице и на сей раз отдельно вице-канцлеру и вышел из залы, тихо затворив за собой дверь.

Императрица опять смотрела в окно.

– То-то мне Платоша все уши прожужжал давеча – «акция» да «акция»! Я ему говорю: «Твоя “акция”, Платоша, у тебя между ног! Ты за ней следи, чтоб крепко стояла! А я уж за тобой присмотрю как-нибудь». Так ишь ты, надулся на меня даже...

Императрица говорила не оборачиваясь. Безбородко смущенно молчал, слегка покраснев. За годы служения он так и не смог привыкнуть к немецкой «натуралистичности» императрицы.

За окном наконец всю повалил снег.

– Саша, ты мне как-нибудь объясни, глупой бабе, как эти акции работают-то. А то ведь ужо девятнадцатый век на дворе скоро!

Царица тяжело оперлась на руку своего канцлера и, прихрамывая, проследовала к выходу. Отворив тяжелые, поблескивающие в полумраке позолотой растреллиевские двери, в почтительном полупоклоне склонились лакеи. Величественно, как линкор в сопровожде-

нии крейсера, проплыв мимо них, императрица и граф углубились в бесконечные анфилады дворцовых покоев.

* * *

Карета имперской канцелярии несла Резанова домой. Быстро скользили полозья по свежесвалившему снегу. Закутавшись в шубу и вытянув ноги к маленькой чугунной печке в углу экипажа, Николай Петрович задумчиво глядел в окно. Тогда он еще не знал, что уже больше никогда не увидит императрицу. Неведомо ему было и то, что дело, случайным ходатаем которого он стал, превратится в смысл всей его жизни.

Совсем скоро судьбе будет угодно его отправить в Иркутск – инспектировать предпринимательские дела купца первой гильдии Григория Ивановича Шелихова. Там произойдет первая романтическая история в его жизни. Николай Петрович влюбится в пятнадцатилетнюю дочку Шелихова Анну, которая станет его женой. Ненадолго, правда. Она умрет, а за ней скончается и сам Шелихов, сделав Резанова, своего зятя, одним из наследников огромного состояния – наравне с женой и братом.

Уже при Павле I компания, наделенная монопольным правом владения и разработки земель Русской Америки, будет все-таки создана, и при самом деятельном участии Николая Петровича. Назовется она Российской Американской компанией.

С той памятной встречи с императрицей пройдет еще десяток лет – и компания снарядит первую российскую морскую кругосветную экспедицию. Командовать кораблями «Надежда» и «Нева» будут соответственно Крузенштерн и Лисянский. Резанова же как к тому времени камергера императорского двора назначат ее руководителем.

Будет у него и тайная дипломатическая миссия в Японию, но главное – сбудется его мечта и он наконец-то посетит Русскую Америку. Там он встретит вторую и последнюю любовь своей жизни, прекрасную Марию де Аргуэльо, или Кончиту. И там он вдохнет новую жизнь в американские колонии России, история которых отныне навсегда будет связана с его именем.

Но все это еще будет. Все это пока ещё не определено окончательно и лишь только мерцает загадочными сполохами за заснеженным горизонтом. Будет и Любовь, о которой поэты спустя столетия будут слагать песни! Будет и короткая, но полная славных свершений и несбывшихся надежд, жизнь. Все это еще только будет, всего этого ему пока не дано было знать.

Пока молодой человек лишь смотрел сквозь проталинку на замерзшем стекле кареты на пролетавшие мимо заснеженные улицы Петербурга и улыбался.

Часть первая

*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется
памяти у тех, которые будут после.*
Екклесиаст

Глава первая

*Лета 1820-го. Владения Российско-Американской
компании на побережье Северной Калифорнии.
Раннее утро*

Скалистый берег, поросший первозданным лесом, уступами скатывался в океан, где встречался с тяжелыми холодными волнами. Через предрассветный туман белым блюдцем проглядывало утреннее солнце.

На высоком берегу ошетижилась новеньким частоколом крепость. Или, может, скит? Вон, над куполом часовни – православный крест! Нет, все-таки, судя по бойницам с дулами пушек, – крепость. Прямо от крепостных стен и до опушки леса, что темнел невдалеке, колыхалось на ветру созревшими колосьями ржаное поле. В стороне от крепости, ближе к речке, впадающей в океан, раскинулась чисто русская деревенька с рассыпанными вдоль берега избами. Напротив нее, на другой стороне реки, высились застывшие в предутренней синеве вигвамы индейского поселения. Вдалеке сонно побрехивали собаки.

Воин застыл в полной неподвижности. Он прекрасно знал, как отключать желания. Великий Дух поведал ему об этом. Самое главное было научиться в такие минуты ни о чем не думать. Это было трудно, но возможно. Затем надо было попросить разрешение у Духа этого удивительного Красного Леса побыть какое-то время его частью. Это было очень страшно. Воин никогда не видел такого леса. Там, где жил он и его родичи, все было по-другому. Там Великое Огненное Каноз, плывущее по небу, любит свой народ и заботится о нем. Оно не скрывается за краем земли так часто, как здесь. Там нет таких гигантских деревьев, среди которых чувствуешь себя муравьем. Да, Огненное Каноз тоже покидает небо, и надолго, но при этом оно всегда возвращается, а на время своего отсутствия дарит Великое Белое Безмолвие. И если ты был удачлив на охоте, и Духи были милостивы, и ручьи, и речки кишели рыбой со сладким красным мясом, то это время можно прекрасно провести в своем вигваме, у горящего очага в кругу жен и родичей и, как Большой Бурый Брат, сладко дремать в ожидании нового прихода Великого Огненного Каноз.

Воспоминание о доме было нехстати. Воспоминание о женах – тем более. Тридцатая луна пошла, как воины его племени выкопали томагавки на Великом Совете племен. Тридцатая луна пошла, как Воин был в походе. Тридцатая луна пошла, как Воин не знал женщин. И вот сегодня все кончится. Напьется крови его уставший от ожидания томагавк. Натешится женской плотью его измученное ожиданием тело. Но самое главное – великие дары ждут его и его братьев по окончании битвы! Как все-таки любят его Духи предков и Великая Мать, если именно ему досталась честь вместе со своими братьями отправиться в этот поход! Ноздри Воина чуть заметно расширились. Он чувствовал, как Великий Дух, почтив его своим присутствием, входил в него. Ему не надо было даже поворачивать голову, чтобы знать: его братья так же, как и он, безмолвно застыли рядом в ожидании заветного сигнала. И потом, он бы все равно их не увидел. Они слились с лесом – так же, как и он.

Глава вторая

Лета 1825-го, декабря 15-го. 11 часов утра.

Санкт-Петербург.

На следующий день после восстания

Над скованной морозом Невой мрачно зависло низкое зимнее солнце. Солнечный лучик, случайно вырвавшийся из морозной мглы, коротко и как бы нехотя блеснул иглой адмиралтейского шпиля и сразу же вновь спрятался за свинцовую тучу.

Новоиспеченный император, прислонившись лбом к оконной раме, хмуро взирал на площадь из окна своего кабинета. Стекло приятно холодило горячий лоб. Пошли уже вторые, почти бессонные сутки, когда у него, кроме рюмки мадеры да пары миндального печенья, ничего во рту не было. Как не было, впрочем, и аппетита. Равно как и других желаний, кроме одного – побыстрее покончить с этим кошмаром.

Все произошедшее вчера, хотя Николай и был к этому готов, в действительности повлияло на него гораздо сильнее, чем он сам того ожидал. В минуты слабости, которые он гнал от себя прочь и которые помимо воли подкатывали тошнотой и головокружением, он ощущал себя не просто одиноким, но гораздо хуже – покинутым и преданным. Еще вчера в одном мундире, на пронизывающем декабрьском ветру он, подобно юному Александру Великому – так, по крайней мере, ему казалось, защищал и утверждал дарованную ему свыше власть. А сегодня постыдная апатия сдавила его волю. К чему все это? Старший брат Константин, который должен был бы унаследовать престол, презрев устои династии, засел в Варшаве и думает исключительно только о себе и своих интересах. Брат Михаил с матушкой явно что-то задумали. И все только ждут малейшей его оплошности, малейшего неверного шага.

«Ничего, господа! Не дождетесь! Все ваши тайные намерения мне хорошо известны. И кто за вами стоит, тоже. И из чьих рук вы подачки принимаете, я прекрасно знаю. И на чьи деньги из Варшавы “половиной мира” править намереваетесь! Только одного вы не учли – пешкой в вашей игре я быть не собираюсь!» – в который раз мысленно репетировал Николай обвинительную речь, которую он кинет им в лицо. Хотя, пожалуй, это слишком громко сказано. Во-первых, случай наверняка не представится, а во-вторых... Рано еще, слишком пока все неустойчиво. Сначала надо с *этими* разобраться, да так, чтоб неповадно другим было, а потом... Что делать потом, Николай Павлович додумать не успел, ибо движение за окном вновь привлекло его внимание и вывело из задумчивости.

Из-за поворота на площадь вылетела черная повозка на санном ходу с зарешеченным окном, запряженная четверкой вороных лошадей. Площадь перед Зимним дворцом продолжала являть собой картину абсолютного хаоса или, точнее, города на осадном положении. С утра толпы народа, несмотря на усиливающийся мороз, стали вновь скапливаться вокруг дворца. Потрясения прошедшего дня, казалось, обострили нервы всем, включая животных. Непрестанное ржание лошадей и гомон воронья были непереносимы. Лошади, неся в седлах фельдъегерей и адъютантов, то и дело пересекали площадь; цокот подков по брусчатке мучительно отдавался в воспаленном мозгу вчерашнего великого князя.

Добавив свою порцию цокота копыт и скрипа полозьев, повозка остановилась у императорского подъезда. Конный взвод Саперного полка, сопровождавший повозку, спешил и выстроился в линию. Дверца тотчас отворилась, и из повозки выскочил молодой подпоручик того же Саперного полка. За ним, в накинутых на мундиры шубах, но без головных уборов вышли несколько офицеров. Николай впился глазами в их лица. Скинув по очереди шубы на руки конвоиров, офицеры, нерешительно оглядываясь, двинулись к подъезду. Подпоручик,

достав из повозки охапку сабель, поспешил следом за ними. Николай невольно зажмурился и отвернулся от окна. Перед глазами опять поплыли черные круги. «Нет-нет, нужно взять себя в руки! Только бы не показать слабость», – билась в его мозгу бессильная мысль. Но обуревавшее его чувство обиды вновь пульсирующими спазмами сдавило виски. И опять внутренним взором он увидел то, чего больше всего боялся, – хорошо знакомые лица. «А как же честь? А как же офицерское товарищество? А как же офицерский долг, в конце концов? Мерзавцы! – пульсировало в мозгу. – Насколько же человек может быть продажен? Господи, помоги!»

Наконец Николай взял себя в руки. Стоявший за его спиной генерал Бенкендорф, который вчера взял на себя руководство охраной дворца и который с той поры не отходил от Николая, явился невольным свидетелем борьбы молодого императора со своими чувствами. Бенкендорф почтительно молчал. Николай наконец разомкнул веки и повернулся. В Бенкендорфа вперился взгляд его невыносимо голубых глаз. Из-за разлившейся по лицу новопеченного монарха нервной бледности их голубизна показалась Бенкендорфу еще более пронзительной. Этому взгляду еще только предстояло стать знаменитым – «холодным, николаевским». Сейчас генерал легко читал в нем всю гамму обуревавших молодого человека чувств. Несколько мгновений Николай смотрел на Бенкендорфа, словно не узнавая его. Затем он, видимо, совладал с собой, и взгляд его несколько смягчился.

– Продолжайте, генерал, я все слышу, – слегка сдавленным голосом проговорил он по-французски. Генерал молча склонил голову и вновь принялся читать прерванное донесение:

– «...Исходя из вышесказанного, совет директоров Российско-Американской компании низжайше просит Ваше Величество о помиловании управляющего ею канцелярией, господина Рылеева, Кондратия Федоровича...»

Бенкендорф осекся, заметив на щеках Николая наконец появившийся румянец. По всем приметам, которые генерал уже хорошо изучил, это было дурное предзнаменование.

– Что?! – В ярости новый русский император перешел на родной, немецкий. – Помиловать! Кого?! Компанию?! Не бывать! Слышите? Не бывать этому! Да я лучше Трубецкого помилую, чем этого...

Николай задохнулся, не в силах подобрать подходящее слово.

– Позвольте напомнить, ваше величество, – невозмутимо выдерживая мечущий молнии взгляд Николая, тихо начал Бенкендорф, – что господина Рылеева на Сенатской площади практически и не видели, а вот его сиятельство князь Трубецкой, по слухам, осмелились именовать себя диктатором и даже возомнить себя на вашем месте...

– Его сиятельство – просто дурак! – уже кричал Николай. – Нет, эта компания и Рылеев вместе с ними – вот кто мои истинные враги! Слышите?! И запомните это, генерал! Вот откуда вся эта мерзость! От компании! Они офицеров настроили! Деньгами захотели Россией править! Вместо помазанника Божьего?! Не бывать этому! Слышите? Не бывать!

Голос молодого человека, взвившийся до истерики, сорвался. Откашлявшись и помолчав, Николай наконец взял себя в руки – в который уже раз за эти мучительные сутки.

– Надеюсь, генерал, вы понимаете, что мой гнев никоим образом к вам не относится. – Император вновь перешел на французский. – Мы никогда не забудем вашу верность нам и России, но преступников мы будем судить безжалостно и... сами!

Взгляд безумно-голубых глаз Николая пересекся со спокойным, уверенным взором Бенкендорфа. Наконец генерал молча опустил голову...

Глава третья

Наше время. Нью-Йорк

Дмитрий открыл глаза. К реалиям повседневной жизни возвращаться не хотелось. Странный сон не отпускал, будоражил воображение. Самое интересное было то, что практически один и тот же сюжет под разным углом, в разном преломлении повторялся уже несколько раз. Удивительная вещь человеческое сознание, но все же заказывать сны Дмитрию еще не приходилось. И вот тебе на... «Наверное, следует показаться психотерапевтам», – шевельнулась ленивая мысль. Хотя что они могут сказать? Что он может им сказать? Что вот уже который день смотрит во сне цветное кино с продолжением? Чушь!

До его сознания четко донеслись слова: «Деньгами захотели Россией править! Не бывать этому! Слышите? Не бывать!» Дмитрий вздрогнул. Но уже другой, хорошо поставленный голос тут же продолжил: «...как было заявлено на встрече с представителями прессы. Мы продолжим знакомить вас с материалами по делу Ходорковского в следующем выпуске новостей».

Дмитрий сел на кровати. «Ну вот, все и объяснилось, – пронеслось у него в мозгу. – Телевизор на ночь надо все-таки выключать. А то еще и не такая дрянь в голову залезет! Ну и пить, понятно, надо меньше. А уж если пить, то хотя бы не курить».

Тяжело вздохнув, Дмитрий поднялся и прошел в гостиную. Поднял с пола телевизионный пульт, щелкнул кнопкой выключателя. Экран погас, и в комнате воцарился равномерный шум кондиционера вперемешку с гулом далекого уличного трафика. Дмитрий подошел к окну, раздвинул шторы. В зеркальном небоскребе напротив отразилось размытое маревом большого города бледное нью-йоркское солнце. Уже больше года снимал он эту квартиру в центре Манхэттена, на пересечении 54-й улицы и Лексингтон-авеню, а все никак не мог привыкнуть к панораме, открывавшейся взору с тридцатого этажа. Точнее, к чувствам, которые этот вид дарил. Ощущение парения над огромным городом с желтыми букашками такси далеко внизу словно превращало смотрящего в некое существо со сверхъестественными способностями. Иллюзия, конечно, но иллюзия настолько сильная, что она одна способна была покончить с сезонными приступами хандры, к которым, как и все творческие люди, Дмитрий был склонен. Особенно в промозглые осенние дни с их бесконечными дождями. Правда, спасала работа, которую он, в отличие от многих, любил. Хотя работой в прямом смысле слова это тоже назвать было сложно. Согласитесь, ну как можно назвать работой то, что ты бы делал и так, даже если бы тебе за это не платили? Никак нельзя. Поэтому спустя годы, проведенные в профессии, Дмитрий все еще с изумлением взирал на чеки, которые он получал за телевизионные репортажи, и про себя благодарил судьбу за то, что хотя бы со смыслом жизни и своим предназначением в ней ему разбираться не пришлось.

Он был Рассказчик. Да, именно так, с большой буквы. Каждый век вносит что-то свое в способ повествования. От гуслей и арф человечество поднялось до радио и телевидения, но и эти технические чудеса служили все той же одной древней цели – доносить информацию до ушей слушателя. И как во все времена, кому-то суждено было остаться на уровне «информаторов», или «корреспондентов», а кто-то благодаря таланту поднимался до высот Рассказчика.

Дмитрий был талантлив. Более того – он был популярен. Он рассказывал то, что ему самому удалось познать, уважая в своем слушателе собеседника, оставляя за ним право самому делать выводы и вовлекая таким образом в интерактивный процесс коллективного познания. За что его и ценили. Правда, сам Дмитрий изрядно удивился бы подобному анализу своего творчества. В те редкие моменты, когда во время вручения призов на телефе-

стивалях у него брали интервью, он любил повторять, что формула его успеха заключается всего лишь в любви к своему делу. Последний его телевизионный цикл, «По Америке», принес ему заслуженную славу; именно благодаря этому циклу он и оказался в этой стране.

От одиночества Дмитрий не страдал. Профессия телевизионного журналиста научила его даже ценить это состояние. Да и к тому же одиночество его тоже было относительное. Он любил хорошую компанию, вкусную еду, бесконечный выбор ресторанов, который предлагал Нью-Йорк, и еще более бесконечный выбор женщин. Причем предпочитал он своих, русских. И не из патриотизма или потому, что «русские женщины самые красивые в мире» – в Нью-Йорке попадались порой такие местные экземпляры, что челюсть отваливалась, а просто потому, что с ними ему было как-то уютней. «Коммон хэретидж», как говорят американцы, то есть «общий культурный багаж» – любил повторять он. Действительно, им не надо было объяснять, кто такой Сеня, и почему он обязательно должен беречь руку, или что такое Чебурашка.

С русским населением в Нью-Йорке, как, впрочем, и со всем остальным в этом уникальном городе, проблем не было. В свои тридцать пять, с квартирой в центре Манхэттена, приятными манерами, прекрасной спортивной фигурой и длинными выющимися волосами Дмитрий являл собою вариант, мимо которого женскому полу, особенно одиноким его представительницам, пройти было очень трудно, если вообще возможно. Чем он успешно и пользовался. Было, конечно, одно «но». Именно потому, что он представлял из себя такой завидный мужской экземпляр, практически всегда дело заканчивалось тем, что его партнерши довольно быстро начинали возлагать слишком большие надежды на продолжение взаимоотношений. А этого Дмитрий не любил. И не потому, что не хотел семьи. Семья у него была. Однажды. И развод, причем не с женой, а с ребенком, во что все в результате вылилось, он воспринял очень тяжело. И даже сейчас, спустя несколько лет, заживать эта рана упорно не желала. Другими словами, ему не хотелось вновь наступать на грабли. Так что обычно, когда он начинал чувствовать, что дело приобретает черты некой семейственности, когда в квартире там и тут с удивительным постоянством начинали попадаться вещи женского туалета, а в ванной уже невозможно было найти свой бритвенный прибор среди банок и склянок с женской косметикой, Дмитрий каким-то образом умудрялся свести отношения на нет и при этом остаться с очередной отвергнутой претенденткой в дружеских отношениях.

Пликнул сигнал поступившей на телефон смс-ки. Дмитрий отвернулся от окна и первые несколько секунд соображал, куда он вчера спяну воткнул подзарядку с айфоном. «Нет, смотри-ка, даже в автоматическом режиме все приборы работали нормально», – усмехнулся он, увидев айфон на том месте, где ему и положено было быть, – на кухонной стойке рядом с кофе-машиной. Практически одновременно с текстом звякнул сигнал нового сообщения электронной почты, и при этом, дабы окончательно убедиться, что хозяин пришел в себя, мобильник заиграл джазовую композицию вызова.

День настойчиво вступал в свои права. Текст был лаконичен: «Ты потрясающий. Лена». Дмитрий кинул взгляд на смятую постель и пожалел, что проспал момент ее ухода. Что поделать, Ленка, его последняя пассия, подрабатывала в цветочном магазине и вставала, когда Дмитрий обычно только ложился. Чрезвычайно сексуальная барышня. К тому же умненькая: заканчивала колледж и была без пяти минут помощником адвоката. Люди они оба были занятые, но когда случалось совпасть во времени и в пространстве, ничего не имели против того, чтобы провести пару-тройку часов вместе. Без каких-либо обязательств с обеих сторон, что Дмитрия вполне устраивало.

Имейл был из московского офиса, скорее всего от нового шефа, а вот номер телефонного вызова... Дмитрий быстро нажал на кнопку приема.

– Да, Фима, ну где вы?

Вместе с завываниями сирены пожарной машины и гудением нью-йоркского трафика в кухню ворвался молодой, почти мальчишеский голос:

– На подъезде, Дмитрий Сергеич! На Сорок второй застряли... Но ничё, движемся!

«Двигаться им еще по меньшей мере минут пятнадцать», – про себя подумал Дмитрий, заваривая кофе.

– Марго с тобой? – спросил он в телефонную трубку.

– Со мной... Дрыхнет на заднем сиденье... – с нескрываемой завистью отозвался голос.

– Кассеты? – спросил Дмитрий.

– Взял, – лаконично ответил голос.

– Ты их из кофра достань, с собой в самолет возьмем... Ну давайте, через пятнадцать минут внизу!

Дмитрий отключился, зажмурившись, в два глотка выпил кофе и принялся за сборы.